

ГОЛОС КУКУШКИ

В.М.

Как на заре из небесных песочных часов
свет прибывает и копится тихо на дне —
сквозь оплетенье берез и провалы лесов
голос кукушки в росистой сквозит тишине.

Из средоточья ветвей,
из глубин неизведанных тех,
из палестин, где не знают ни горя, ни зла,
голос кукушки доходит, не зная помех,
словно природа свой вещей язык обрела.

Из сердцевины миров,
упорядочив хаос больной,
из средостенья Вселенной,
на чистом дыханье одном
голос кукушки
скользит по равнине земной —
твой золотой, безошибочный твой метроном.

Из бесконечности в вечность летит,
лишь на миг посетив,
лишь на минуту коснувшись жителя твоего,
необъяснимый, бесхитростный этот мотив —
чистое, легкое жизни земной торжество.

Время и радость, сплетенные общим жгутом,
лишь по касательной тронут поверхность Земли
и улетят, растворившись в пространстве пустом,
в космосе темном, в безжизненной звездной пыли.

НОЧНОЙ КОСТЕР

Горел костер, пылал, не уставал,
лизал огонь смолистое полено.
Он то сжимался, то опять взмывал,
как сердце затаившейся Вселенной.

И выступали вдруг из темноты
стоящие безмолвно друг за другом
и стрелчатые травы, и цветы,
таинственным сомкнувшиеся кругом.

Они смотрели молча и в упор —
родня, пришедшая по зову брата.
И был кузнечиков бессонный хор
за их стеной заботливо упрятан.

А где-то дальше притаился лес —
дремучий лес — березовый, сосновый.
Он тоже высился — и все окрест
за ярусом вздымало ярус новый.

Ночной костер! Природы зыбкий сон!
Она молчит, она не отвечает.
Созвездий и галактик пантеон
ее постройки легкие венчает.

Один в ночи пульсирует костер
как смертное дитя живой природы.
Но мир огромный широко простер
недвижные, незыблемые своды.

И мы с тобою у костра во мгле —
всего лишь легкие, сквозные тени,
как отпечаток древний на скале
давным-давно исчезнувших растений;

как древние обломки черепков
в пластах земли тяжелых, монолитных,
как спрятанные в залежах веков
подобия орудий первобытных.

МОТЫЛЬКИ

И опять стемнеет. И, как встарь,
осветивший листья и кусты,
загорится матовый фонарь —
одинокий сторож темноты.

И притянут силой неземной
к средоточью мира своего,
мотыльков ночных безумный рой
закружится около него.

О, нерасторжима эта связь!
Спотыкаясь и в стекло биясь,
к фонарю стремятся мотыльки,
словно жизнь иная прервалась.

А внизу — гитары перебор,
парочки влюбленные стоят.
Но не слышит их крылатый хор,
страстью или ужасом объят.

Жители неведомых планет,
существа, не знающие нас,
бейтесь, бейтесь в одинокий свет,
будто в первый и последний раз!

Но рассвет, полнеба окропив,
темную разгонит синеву.
Крылышки усталые слепив,
мотыльки осыплются в траву.

Маленькие ангелы ночей,
падшие изгнанники небес,
спите под покровами лучей
в отрешенной гордости своей!

ГОСТИНЕЦ

Л.К.

И пока шумел карнавал,
перешедший в полночь пустую,
в этом городе снег упал
на холодную грязь густую.

Словно нищенства устыдясь,
скрыть пытался его повсюду.
В этом городе я родилась
и уехала я отсюда.

Но заснеженных крыш и плит
робкий мне поднесен гостинец,
и серебряный свет разлит
до утра по углам гостиниц.

По домам деревянным спят,
дремлют жители и народы,
что пришли и уйдут назад,
не нарушив закон природы.

И застыли, висят в снегу
полукружья ветвей и арок.
Я родня вам, но не могу
равноценный сделать подарок.

Ни полслова не проронив,
мы расстанемся завтра утром.
Удаляясь, мелькнет залив,
просквозив вдали перламутром.

Но и скрывшись за окоем,
ты нечаянно миру явлен:
каждый куст на пути моем
в белоснежный наряд оправлен.